

Наивность, простота, доброта — эти качества, которые должны быть самыми прекрасными в человеке, оказались не на своём месте.

Всё дело в том, что он вырос в семье Шэнь.

В семье Шэнь наивность — это глупость, доброта — слабость. Этой паре не нужен был такой сын. Возможно, Чжоу Ванъянь, который с первого дня осмелился заглядываться на Шэнь Цинчи, больше подходил на роль их наследника.

Если бы не украденное уведомление о зачислении и не то, что мечта о поступлении в Университет Цин была на грани срыва, Шэнь Цинчи, возможно, никогда бы не набрался смелости сопротивляться.

Как говорится, даже заяц, если его загнать в угол, укусит. Этот ребёнок был доведён до предела, ему некуда было отступить.

Шэнь Фан снова вспомнил, как Шэнь Цинчи, промокший до нитки, стоял у его двери в дождливую ночь, умоляя о помощи. В его сердце вспыхнуло неудержимое сочувствие, и он нахмурился, открыв окно, чтобы подышать свежим воздухом.

Неважно, считал ли он его жалким или милым, это было нехорошо.

Возможно, ему следовало бы поскорее избавиться от этого потенциального источника неприятностей, чтобы избежать больших проблем.

Но... с таким характером Шэнь Цинчи, сможет ли он выжить под присмотром этой пары, если его некому будет защищать?

Ему ещё предстояло учиться четыре года в университете, а значит, он не сможет покинуть Цинчжоу и уйти из-под наблюдения Шэнь Цина...

Шэнь Фан был озадачен.

Кажется, он неосторожно нажил себе большие проблемы.

Когда подбирал его, не подумал о последствиях, а теперь как от него избавиться?

*

Шэнь Цинчи, не подозревая о внутренних терзаниях Шэнь Фана, с удовольствием бродил по дому. Он положил грецкие орехи в коробку и поставил её на самое видное место на журнальном столике, напевая песенку, вернулся в свою комнату.

Войдя, он увидел, что нижнее бельё, которое он нарочно оставил сушиться прошлой ночью, всё ещё висело на балконе, но подушка и одеяло исчезли. Очевидно, Шэнь Фан прибирался в комнате.

А значит, он точно видел это бельё.

Увидел, но не осмелился прикоснуться, намекая на это, но не решаясь произнести вслух эти два слова.

Какой же он невинный.

Шэнь Цинчи снял уже высохшее бельё, убрал его в ящик, принял быстрый душ и повесил новое.

Чтобы не смущать дядю, на этот раз он повесил не только нижнее бельё, но и одежду.

Шэнь Цинчи мысленно похвалил себя за доброту, достал из шкафа одеяло и лёг спать.

*

На следующее утро, когда Шэнь Цинчи проснулся, он снова почувствовал запах завтрака.

Кажется, он никогда раньше не наслаждался такой семейной атмосферой. В детском доме рядом с ним были только учителя и волонтёры, родителей у него никогда не было.

Каждый год некоторых детей забирали в приёмные семьи, и Шэнь Цинчи почти каждый год оказывался среди избранных. Он был красив и умен, выделяясь среди детей с умственными или физическими недостатками, и привлекал к себе внимание.

Однако сам он не хотел, чтобы его усыновляли.

С того дня, как он узнал, что его бросили, он перестал ждать чего-то от слова «родители».

Хотя, если говорить о других «родственниках», он мог бы принять их, например, тётю-директора, которая всегда о нём заботилась, сестру-волонтёра, которая приносила ему сладости, и... дядю Шэнь Фана?

Шэнь Цинчи задумался над этими словами, а Шэнь Фан, готовя завтрак, обернулся и взглянул на него:

— Проснулся?

Шэнь Цинчи послушно кивнул.

— Как раз вовремя, я только что закончил готовить, а ты уже встал. По запаху нашёл? — Шэнь Фан выключил плиту и подшутил.

Шэнь Цинчи заметил, что он держит тарелку правой рукой, и по тону было понятно, что он в хорошем настроении, значит, рука уже не болит. Он кивнул:

— Угу.

Даже «угу» сказал?

Шэнь Фан удивлённо посмотрел на него. Шэнь Цинчи опустил голову, с нетерпением глядя на завтрак, мягкие пряди волос раздвинулись, открывая бледную шею.

Шэнь Фан сглотнул.

Неужели он должен быть... таким милым?

Он был точь-в-точь как тот белый котёнок, которого он когда-то держал. Как только он открывал банку с кормом, котёнок, независимо от того, спал он или играл, мгновенно поворачивал голову и смотрел на него, учуяв запах.

Шэнь Фан кашлянул:

— Садись завтракать.

Шэнь Цинчи взял тарелку и палочки, повернул голову и увидел на столе две бутылки молока. На стекле выступили капли воды, оно было холодным.

Он удивился:

— Почему сегодня две бутылки молока?

— Разве ты не любишь молоко? — спросил Шэнь Фан. — Вот и заказал тебе ещё одну.

Шэнь Цинчи не ожидал, что Шэнь Фан закажет ему молоко, и с радостью сказал:

— Спасибо, дядя!

Затем он вспомнил о чём-то и спросил:

— Но если ты закажешь мне молоко, они не заметят?

Шэнь Фан нахмурился, услышав это:

— Ну и что, если заметят? Они что, будут считать, сколько бутылок молока я заказываю? Может, я сам хочу выпить две?

Шэнь Цинчи засмеялся.

Похоже, дядя не только невинный, но и заботливый. Такого хорошего дядю автор книги мог убить?

Раз уж он попал в книгу, он обязательно первым делом разберётся с этим мусором Чжоу Ваньянем, чтобы тот не смог убить Шэнь Фана.

Шэнь Фан говорил, что нужно подождать, пока Шэнь Цзин и его жена сами отдадут уведомление о зачислении. Тогда он мог бы использовать это в своих целях. Если бы дело о том, что Чжоу Ваньянь занял чужое место в университете, стало известно, им бы пришлось несладко.

Как будто почувствовав его мысли, Шэнь Фан тоже заговорил на эту тему:

— В эту пятницу я отведу тебя к ректору Университета Цин.

Сегодня был понедельник, то есть через три дня.

Шэнь Цинчи кивнул:

— Хорошо.

После завтрака Шэнь Фан не позволил Шэнь Цинчи мыть посуду, сказав, что не хочет, чтобы вода попала на его рану. Шэнь Цинчи только тогда вспомнил, что у него на руке есть рана, и с улыбкой подумал, что тот слишком переживает.

Нельзя было мыть посуду, нельзя было заниматься грецкими орехами, и Шэнь Цинчи вдруг

оказался не у дел. Он сидел, болтая ногами на подлокотнике дивана, когда услышал, как Шэнь Фан разговаривает по телефону. Закончив разговор, тот сказал:

— Если тебе скучно, сходи за посылкой, она у входа.

Шэнь Цинчи послушно вышел за посылкой, выполняя поручение Шэнь Фана.

Когда он вернулся, Шэнь Фан сказал:

— Распакуй.

Шэнь Цинчи заколебался:

— Я распаковываю твою посылку... Это не очень правильно.

— Я её для тебя заказал.

Шэнь Цинчи удивился, и любопытство мгновенно взяло верх. Он быстро распаковал посылку и обнаружил, что внутри...

Тапочки?

Он моргнул, посмотрел на свои ноги — последние два дня он носил тапочки Шэнь Фана, которые были ему велики и совсем не держались на ногах.

Он достал тапочки из коробки, а Шэнь Фан добавил:

— Быстро смени тапочки, когда ходишь в тех, они слишком громко шлёпают.

Шэнь Цинчи промолчал, не стал его разоблачать.

Купил и купил, но ещё и оправдание придумал.

Он сменил тапочки, они идеально подошли по размеру и были очень удобными.

Затем он с невинным видом спросил:

— Но, дядя, зачем ещё одни тёплые тапочки? Я же у тебя только до начала учёбы останусь, до зимы не доживу.

— ... — Шэнь Фан вдруг замолчал.

Через некоторое время он странным тоном произнёс:

— Это было по акции, купи одни — вторые в подарок. Если не нравятся, выбрось.

Шэнь Цинчи едва сдержал смех.

Какой щедрый продавец, дарит тёплые тапочки к летним? И это ещё не всё — эти тапочки полностью выдавали чьи-то предпочтения: на них были торчащие кошачьи ушки, очень милые.

Ну, мужчины.

Шэнь Цинчи прогулялся по дому в новых тапочках, не то специально, не то случайно, но за пять минут прошёл мимо Шэнь Фана три раза.

Шэнь Фан сначала не хотел на него смотреть, но каждый раз, когда тот проходил, его взгляд невольно скользил за ним.

В тапочках, которые идеально сидели на ногах, Шэнь Цинчи двигался бесшумно, как кот. Его лодыжки были тонкими, косточки и ахиллово сухожилие отчётливо выделялись, не слишком выступая, но выглядели красиво и гармонично.

Взгляд Шэнь Фана задержался на его ногах, от белых ступней до торчащих кошачьих ушек на тапочках, и он вдруг прикрыл рот рукой.

... Он стал ещё милее.

Что за безумие на него нашло вчера, что он решил купить Шэнь Цинчи тапочки?

Это же сам себе яму выкопал.

Он изо всех сил старался не смотреть на него, но Шэнь Цинчи, похоже, не осознавал, что провоцирует его. То он садился на диван, то вставал, чтобы что-то взять, затем снова садился... После того как он повторил это четыре или пять раз, Шэнь Фан наконец не выдержал:

— Ты можешь просто спокойно посидеть?

<http://bllate.org/book/16296/1469507>